

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Ответственный редактор
А. М. ГРАЧЁВА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1994

Рецензенты Л. Н. КЕН, С. Ю. ЯСЕНСКИЙ

ISBN 5-86007-024-1

© Институт русской литературы (Пушкинский
Дом) Российской Академии наук, 1994
© Издательство «Дмитрий Буланин», 1994

ПАМЯТИ НАТАЛЬИ ВИКТОРОВНЫ РЕЗНИКОВОЙ

14 ноября 1992 года на девяностом году жизни скончалась Наталья Викторовна (Митрофановна) Резникова-Чернова. Давно замолчавшая, но все понимающая, с тихой прищурью продолговатых зеленых глаз — она дожила свой век, окруженная теплотой семейной жизни и постоянным вниманием обоих сыновей, врача Андрея и математика и музыканта Георгия. Георгий и взял ее к себе после того, как снесли старинный дом на улице Камилла Демулена в Кашане.

С этого дома начинается мое знакомство с Натальей Викторовной в 1949 г. — калитка в больших, глухих воротах, как будтоходишь не в дом, а в крепость. Двор; полутемная столовая с деревянными стенами, загроможденная большим столом, тяжелыми книгами, роялем. На стене тоскует лицо, зеленоватое, пошедшее мелкими трещинами от горя и птичьего корма ... это ремизовский сказочный шут, забытый хозяевами в покинутом замке, носом прильнувший к картинному стеклу; как к окну башни... А на кухне светло. Мы с Натальей Викторовной здесь читаем «Первую любовь» Тургенева: аромат усадебной жизни для меня слился со свежей зеленью овощей, с перламутровым переливом рыбьей чешуи, с терпеливыми, вечно чем-то занятыми руками хозяйки дома. Зайдет Сухомлин, Василий Васильевич, и начнет рассказывать так захватывающе, что и мне, еще не знающей русского языка, все кажется понятным. Даниил Георгиевич, хозяин дома, молча слушает, потом внезапно вспылит, горячо-горячо что-то вставит наперекор всем — опять замолчит. Вадим Леонидович Андреев и Владимир Брониславович Сосинский, его друзья со времен Пражского университета, мужа сестер Натальи Викторовны, Ольги и Ариадны, приехали из Америки в отпуск (оба тогда работали в ООН). На той же кухне ведутся бесконечные, поразительно русские разговоры — такие, каких никто за границей не ведет, как отметил себе еще Александр Блок, — о литературе, об искусстве, о смысле жизни. Вадим — поэт, меланхолик; Володя — прозаик, сангвиник; Ольга — крупная, изящная женщина с ласковым голосом, с рафинированным умом — она потом напишет семейную эпопею тюрем и ссылок, вышедшую на английский язык под названием «Холодная весна в России». Ариадна,

младшая, родная дочь Виктора Чернова, тонким голосом читает стихи — Маяковского, Пастернака, Цветаевой, когда-то написавшей на подаренной ей книге «моей полу-дочке, полу-сестре». Мужественное лицо кажется замкнутым, а улыбка девичья, удивленно-светлая. Наташа всех слушает, всех обслуживает — а вдруг так скажет мягким своим тихим голосом, что каким-то трезвенным, но и поэтическим светом осветятся и обсуждаемый вопрос, и обсуждающие. Жучок прыгает по саду, а дети (в каждой семье их двое) очень независимо приходят и уходят, занимаются, играют на рояле... как впоследствии это будут делать и внуки.

Сколько раз я возвращалась, звонила в калитку и слышала тихое, все более замедленное шлепание мягких туфель, мягкий голос, слегка нараспев — Кто там? — видела все более сгорбленную фигуру, окутанную «шкурками», приветливый прищур глаз: «Ди-ки». Родственники давно вразброд: кто — в США, кто — в Швейцарию, кто — в СССР — и я на 11 лет — с 1963 до 1974 г. — туда же, в Москву, к мужу. Наталья Викторовна была у нас там. Она приехала посетит Сосинских, у которых на пятнадцатой Парковой в 1964 г. скончалась горячо любимая мать Ольга Елисеевна Колбасина-Чернова, и по делам уже покойного Ремизова, Алексея Михайловича; переговорила с архивистами Пушкинского Дома, виделась с Михайлом Владимировичем Алпатовым, родственником Ремизова. Она ввела в нашу московскую квартиру свою кашанскую тишь, и руки также были заняты не то вязанием, не то шитьем.

Наталья Викторовна всех своих сверстников пережила. Пока хватало сил, она продолжала заниматься делом жизни — заботой о завещанных ей рукописях Алексея Ремизова, с которым была в дружбе с 1922 г., когда Ольга Елисеевна (освобожденная из советской тюрьмы, где ее больше года держали заложником, сначала с детьми, потом одну, вышедшая, благодаря хлопотам Пешковой и позже, как и Ремизовы, попавшая через Эстонию в Берлин) познакомила своих девушек с чтимым ею писателем. Жить было не на что, и когда сестрам-близнецам Наталье и Ольге предложили устроиться на работу в Парижском «кутюре», они переехали во Францию, куда в том же 1923-ем перебрались и Ремизовы. Пока жива была Серафима Павловна, отношения были сердечные и задушевные, но житейски не особенно близкие. Всей семьей почитали Ремизова, помогали, когда он выступал на бенефисных вечерах с чтением своих и чужих произведений, разносили и продавали его альбомы, охотно ходили к нему в гости рассказывать (о выставках, о театре, о прослушанном курсе лекций Льва Шестова) и слушать...

Потом девушки вышли замуж. С начала тридцатых годов у Натальи Викторовны были дети на руках, и они реже стали видиться. Война застала Резниковых на берегу океана, и они так и остались на острове Олерон, где обосновались вместе с сестрами и их семьями, помогали чем могли советским воен-

нопленным и связывали их с Сопротивлением. Пригодился былой опыт революции, когда при ночном обыске Наташа занимала чекистов разговорами, а Ольга прятала вещи Чернова, бежавшего через окно. Один Даниил Георгиевич Резников вернулся в Париж и работал там во время оккупации, поддерживая остальных материально. От него же они слышали о бедственном положении Ремизова, потом о смерти его жены. Стали посылать ему лук, картошку, «выбранные кофеинки настоящего кофе из выданной по карточкам смеси». С этого времени возникает переписка и — по возвращении в Париж — чуть ли не ежедневная забота о все более слепшем писателе. Наталья Викторовна не только снабжала его едой и чтивом, не только записывала за ним и читала ему вслух, но и переводила его, казалось бы, непереводимую прозу — так проникновенно, что и французского читателя приобщила к русскому ладу и складу Ремизова, открыла им, как выглядит мир его «подстриженными глазами». Она тихо настаивала на буквальном переводе «*Les yeux tondus*» — что казалось многим невозможным по-французски... и одержала настоящую творческую победу. «В течение этих последних лет», — пишет Марсель Арланд в предисловии к французскому изданию, «по мере того как мадам Натали Резников переводила мне повествования из «Подстриженных глаз» (некоторые из них появились в «*Nouvelle Revue Francaise*»), мне казалось, как будто я причастен к зарождению книги; и я предвидел этапы, новые темы, или же перепев и расширение уже затронутых тем; стоило однако мне получить ожидаемую главу — я каждый раз поражался ее свежестью и свободой».

Ремизов к выходу книги уже скончался. При жизни его, однако, Резниковы, Сосинские и Андреевы сумели хоть в малой мере удовлетворить его «ненасытную страсть к изданию своих книг» посредством их собственного издательства «Оплешник» (название, очевидно, Ремизовское). Книги выходили тиражами в 300 экземпляров и теперь стали раритетами. Тогда сам факт их появления казался чудом. Ведь это не были меценаты, а люди, обладающие самыми скромными средствами, зарабатывающими сами свой хлеб не любимым творческим делом — Наталья Викторовна, в частности, всю жизнь жалела о растерянном на рисунки «мод» мастерстве художника, — а постылой, порой и тяжелой поденщиной... После смерти Ремизова Наталья Викторовна занялась воспоминаниями о нем, книгой «*Огненная память*» (Беркли, 1980). Дело шло медленно. Надо было воспитывать внучат и сама она была более чем взыскательна к самой себе. Стоило, однако, ждать. Книга с любовью, но с хирургической беспощадностью восстанавливает образ прекрасного и сильного художника, глубокого и бесстрашного мыслителя — образ для многих затемненный им самим созданной легендой о вечной недооценке, вечном «пропаде». Дело не кончилось изданием воспоминаний. Неумоимо содействуя ученым и издателям из США, Италии, России и, ставшей второй

родиной, Франции, Наталья Викторовна способствовала выходу целой вереницы при жизни не напечатанных самим Ремизовым из фрагментов составленных, книг: «Иверень», «Встречи: Петербургский буерак», «Учитель музыки». Ремизов говорил о себе, что он «песельник», «лирик»... что роман или эпос — не его дело. Но эти книги-мозаики (вместе с прижизненно изданными «Подстриженными глазами», с «Взвихренной Русью», с «Пляшущим демоном» и с «Мышкиной дудочкой») составляют непревзойденную, лишь внешне лоскутную, а внутренне цельную картину той эпохи взрывов и потрясений, которую пережил сам писатель.

Это чудо нам подарила Наталья Викторовна Резникова, 18 ноября 1992 года похороненная — как сам Алексей Михайлович — на русском кладбище в Сент Женеьев-де-Буа в ненастный день «Корочуного царства». Превратности жизни (их было немало) она вынесла как земля выносит зимнюю непогоду, глубоко под мерзлой, затвердевшей почвой тая зерно жизни. Да будет ей пухом земля французская. Вечная память.

А. Соколова-Пайман